

Александр Владимиров

Кумран и Христос

Беловодье

УДК 929
ББК 86.37—228
В57

Александр Владимиров

Кумран и Христос

М.: Беловодье, 2002.

Новая книга исследователя духовной культуры А.Владимирова «Кумран и Христос» посвящена популярной сегодня теме Кумранских свитков, найденных в пещерах близ Мертвого моря в 1947 году. Учение кумранской общины, появившееся за сто лет до н.э. и многими чертами сходное с христианским, заставило многих ученых усомниться в беспрецедентности христианских идей и образов, по-новому взглянуть на личность Иисуса Христа. Анализируя сведения из кумранских свитков и других древних малодоступных текстов-криптограмм, автор предлагает свои ответы на нерешенные сегодня вокруг Кумрана, истории Израиля и раннего христианства вопросы, делает ряд удивительных научных открытий, касающихся неизвестных страниц из жизни Иисуса Христа, его контактов с миром сакрального Востока, включая почитаемые центры Древнего Египта и Гималаев.

*На обложке использована картина
С.Н. Рериха «Христос с учениками».*

ISBN 5-93454-030-0

© Издательство «Беловодье», 2002
© А. Владимиров, 2002

От редакции

Одной из примечательных особенностей нашего времени можно считать появление значительных открытий в самых разных областях знания. В гуманитарной сфере, в частности в истории, это проявляется не только в публикации новых источников и обнародовании сведений, сокращающих количество «белых пятен», но и в рождении независимых, свободных от сложившихся стереотипов идей, позволяющих обнаружить в общеизвестных явлениях совершенно неожиданные аспекты.

Христианство относится к областям, которые проработаны в мировой науке и культуре настолько тщательно, что, казалось бы, заметные открытия в этой теме просто невозможны. Однако рукописи, найденные в середине XX века в пещерах Кумрана, серьезно поколебали такое мнение. Тексты кумранских свитков заставили переосмыслить сложившееся в культурном мире представление о беспрецедентности большинства христианских идей и образов. Оказалось, что по меньшей мере *за сто лет* до главных евангельских событий существовала Кумранская община, в которую однажды пришел *Учитель Праведности*, чьи проповеди и учение с поразительной точностью предвосхитили все, о чем говорил Иисус, и по духу оказались еще ближе к учению Христа, нежели проповеди библейских пророков. Самоназвание кумранитов «Новый Завет», неприятие ими фарисеев, глубочайшее почитание ими Учителя Праведности взволновали очевидным подобием даже умы скептиков.

Однако полученные из свитков сведения оказались настолько необычными, настолько неудобными для укоренившихся представлений, что до сегодняшнего дня в академическом религиоведении Кумран и христианство по-прежнему рассматриваются как параллельные, не связанные друг с другом явления. Обнаруженные сходства между кумранской и христианской общинами, число которых перевалило за сотню, либо умаляются, либо просто игнорируются, а в противовес им непропорционально раздуваются имеющиеся между обоими движениями отличия. Для большинства же апологетов церкви кумранское открытие с его «сходствами» остается досадным историческим недоразумением.

Другой крайностью в интерпретировании кумранского феномена является абсолютизация кумрано-христианского сходства. Стремясь объяснить парадокс явления многих христианских идей за век до евангельского Христа, некоторые ученые отважились утверждать об абсолютной тождественности кумранской и христианской традиций, о том, что кумранская община и являлась началом хрис-

тианства. Наталкиваясь на непреодолимое евангельское противоречие более позднего рождения Христа, многие из таких ученых вынуждены были заявить, что Иисуса Христа вообще никогда не существовало, что в лучшем случае он стал копией обожествленного *Учителя Праведности*. Приводимая ими система доказательств, логика, вольное обращение с фактами, сделанные из такого предположения ошибочные выводы справедливо вызвали отторжение их научным миром. Но надо отметить, что вместе с потоком скороспелых мыслей часто отвергались и действительно стоящие идеи, а их носители слишком поспешно зачислялись ученым сообществом в разряд «маргиналов». Церковь в лице теологов и богословов также заклеила названных апологетов Кумрана, но уже с других позиций. Обнаружение первообраза христианства в эссеях и кумранитах было объявлено здесь, как всегда, злонамеренной попыткой ниспровергнуть церковь.

Между игнорированием и абсолютизацией кумрано-христианского сходства большинство ученых занимают умеренную позицию. Большинство из них вообще уклоняются от комментариев по поводу личности Иисуса Христа, его отношения к кумранскому Учителю Праведности. Даже с увлечением доказывая удивительную схожесть судьбы того и другого, на словах ученые-кумраниты провозглашают незыблемость устоявшихся представлений об Иисусе Христе, оставляя нетронутой «каноническую территорию» церкви. Но дипломатично не затрагивая главный символ веры, эти ученые своим акцентом на кумрано-христианском сходстве подвигают слушателей видеть оригинальные истоки христианства не в Христе, а в кумранском Учителе Праведности. В результате известное сегодня христианство по сути выставляется как плагиат с Кумрана, как крайность кумрано-иудаистской идеологии, как эдакий экстравагантный диссидент внутри иудаизма. Можно подумать, что «сохранение жизни» евангельского Христа понадобилось только для того, чтобы больше его унижить! Ведь, лишая Иисуса Христа прав на создание христианского учения, на организацию им первой христианской общины, тем самым совершенно подрывается значимость его личности как религиозного реформатора. О божественном в природе Иисуса Христа при таком повороте событий совершенно говорить не приходится. При таком подходе жизненный подвиг Иисуса Христа, его мученическая смерть становятся только узко-сектанской проблемой, весь пафос его новозаветного провозвестия превращается в богословский фарс. Опираясь на факт существования в Кумране идей, до сих пор считавшихся сугубо христианскими, широкую общественность постепенно при-

учают к мысли о том, что основателем христианства был не Христос, а вообще другой Учитель.

Разумеется, такие крайние оценки отсутствуют в академической литературе. Но уклон, куда движутся кумранские исследования в целом, настораживает. Справедливость таких опасений подтверждают последние публикации о Кумране. В них хорошо видна односторонняя тенденция использовать данное открытие в межконфессиональной борьбе против христианства. В этой связи работа А.Владимирова оказывается весьма актуальной.

Если же давать общую оценку современной литературе о Кумране, то можно отметить, что она полна споров и взаимных обвинений. Многочисленные исследователи так и не сумели до сих пор прийти к единой точке зрения, не смогли ответить на главный вопрос: чем же для истории иудаизма, ессеизма и христианства являлись Кумранская община и Учитель Праведности?

Автор книги «Кумран и Христос» пошел по иному пути. Опираясь, с одной стороны, на общепризнанные кумрано-христианские совпадения, а с другой — на свидетельства о назарее-пророческих древнееврейских течениях, А.Владимиров обнаружил *кардинальное отличие идеологии Кумранской общины от общераспространенного иудаизма того времени*. Автор вынужден был и более критично подойти к традиционным представлениям о раннем христианстве и истории Израиля. Сопоставляя доктрину Учителя Праведности и новозаветное учение Иисуса Христа и стремясь к обоснованности и корректности, автор проделал колоссальную работу, проанализировав громадное количество разнообразных источников, существенно расширив их круг, не побоявшись привлечь тексты, которые далеко не всегда принято приводить в исследованиях академического характера. Читатель убедится — работа Владимирова от этого только выиграла. Цитаты из восточных священных книг, эзотерических учений, трудов Блаватской и Рерихов, обычно используемых прочими авторами либо с целью их тенденциозной критики, либо с целью чисто эмоциональной апологетики, приводятся Владимиром для иных задач — он видит в них исторические источники и рассматривает их под исследовательским углом зрения, находя в них сведения, обладающие важным познавательным содержанием. Проанализировав в этих источниках громадный массив исторической, мифологической, религиозной информации, автор пришел к обоснованному выводу о необходимости выделения в Евангелии исторического и мифологического слоев. Опираясь на целый ряд документов, автор доказывает, что многие, казалось бы, совершенно мифические события Евангелия соответствуют вполне

реальным историческим их прототипам, которые отличаются от евангельской аллегории часто лишь тем, что имели место *за сто лет* до общепринятой даты.

Важно отметить, что предложенный автором взгляд на Иисуса Христа, жившего *за сто лет до Р.Х.*, не нов и стал известен задолго до Кумрана. Еще в конце XIX века, то есть еще до кумранских находок, он был доведен до широкой общественности последователями весьма авторитетной традиции. Об этом также неоднократно заявлялось в первой половине XX века. Однако идея отнесения *даты рождения Иисуса к более раннему периоду* оказалась настолько необычной, настолько трудно вписывающейся в рамки представлений того времени, что потребовался целый век, прежде чем оказалось возможным эту идею осознать и непротиворечиво вписать в систему взглядов о древнем иудаизме и христианстве. Вероятно, сегодня, после ухода в небытие воинствующего теизма и воинствующего атеизма, появилась возможность спокойно разобраться в подлинных первоисточниках христианства. Необходимость такого непредвзятого исследования становится вполне очевидной в связи с Кумранским открытием, которое заставило иначе взглянуть на историю Иудеи, на суть иудаизма дохристианской эры, то есть на ту среду и обстановку, в которых появилось христианство. Спустя полвека после Кумранского открытия, после совсем недавнего опубликования всех кумранских текстов пришло время осмысления обширного материала. По мнению автора, кумранские свитки стали тем ключом, благодаря которому впервые на подлинно исторической основе оказалось возможным раскрыть загадку неизвестной жизни Иисуса Христа, его убеждений, причины его распятия.

Неоспоримым достоинством данной книги является основательность, исследовательская добросовестность автора, задавшегося целью разрешить грандиозную познавательную задачу — воссоздать точную хронологию *всей* земной жизни Иисуса Христа, расписав ее по годам, сопоставив ее события с конкретными историческими реалиями, имевшими место тогда в Иудее. Можно спорить с автором по поводу сделанных им выводов, но нельзя не видеть, что каждое выдвигаемое им новое положение аргументировано с самых разных сторон и на высоком научном уровне.

Помимо честной исследовательской позиции Владимирова, тщательности проделанной им работы, следует подчеркнуть и другую сильную сторону его книги — горячую любовь автора к земному облику Иисуса Христа, пробивающуюся сквозь строгий стиль научной монографии. Об этом важно сказать, чтобы предупредить огульные обвинения автора в неприятии им Христа или христианства.

Заметной особенностью книги «Кумран и Христос» является квалифицированное исследование автором древневосточного символизма, древнееврейской, древнеегипетской, других сакральных традиций Востока, что в современных научных исследованиях встречается не часто. Глубокая осведомленность автора в данной области оказывается весьма кстати, поскольку без этого изучение духовных чаяний ранних христиан, родственных им групп: ессеев, кумранитов, терапевтов, назареев, рискует остаться неполным или поверхностным. В книге удалось сохранить взвешенный баланс между рациональным и иррациональным, на общепринятом языке осветить до сих пор закрытую для науки мистериальную сторону жизни эзотерических обществ. Это позволяет даже неискушенному читателю, считающему древние знания в этой малоизученной области «чудовищными заблуждениями», познакомиться с истоками древнееврейского и раннехристианского мистицизма. Несмотря на апеллирование в работе к, казалось бы, совершенно разнородным традициям: христианству, иудаизму, каббале, индуизму, восточному оккультизму, Владимирову во многом удалось преодолеть присутствующую среди них терминологическую тяжеловесность, их понятийную замкнутость. Самое же главное — автору удалось выразить общекультурный взгляд, позволяющий видеть положительные достижения в любой культуре, в любой области знания, допускающий возможность их продуктивного синтеза.

Опираясь на источники литературы, заслуживающие наибольшего доверия, Владимиров обратился к самой сложной в христологии теме — исследованию неизвестных лет Иисуса. В прочих работах, посвященных данному периоду, иногда делались попытки объяснить отсутствие сведений об Иисусе Христе его пребыванием до 30 лет в странах Востока, где, по сведениям из апокрифов и преданий, он обучался у египетских и индийских посвященных. Об этом в своей книге «Тибетское Евангелие» писал известный российский журналист и путешественник начала XX века Нотович, проникший во время своего пребывания в Тибете в высокогорный монастырь и ознакомившийся там с древними манускриптами. Во фрагментах рукописей, оказавшихся в распоряжении путешественника, содержались сведения о том, как Исса (Иисус) был в Тибете и Индии и общался с тамошними духовными подвижниками. Сходная информация в несколько ином освещении была высказана в книге «Криптограммы Востока», написанной Е.И.Рерих. Среди ученых, изучающих раннехристианскую исто-

рию, обычно не принято всерьез рассматривать подобные источники, содержащие информацию, способную поставить под сомнение каноническую версию евангельских событий. Ученые скорее предпочтут просто отрицать историческую реальность Иисуса Христа, нежели решатся принять гипотезу, существенно отличающуюся от общераспространенной теологической доктрины. Сам факт того, что автор, выступающий в академическом жанре, все-таки решился привлечь апокрифические и эзотерические источники, ясно свидетельствует, что его интересуют не столько «мнения», сколько истина. Автор, как исследователь сложнейшей историко-культурной проблемы, убежден, что для ее осмысления требуются самые разнообразные тексты, и не боится привлекать их, даже если они опонируют друг другу.

А.Владимиров последовательно проводит мысль, что право на анализ жизни и учения такой грандиозной фигуры, как Иисус Христос, не должно быть узурпировано какой-либо одной церковью или научной группой. В противном случае всегда остается опасность, что Его земная биография, Его взгляды будут подогнаны под установленные в этой церкви или группе догматы, под их частную претензию на абсолютную истину. Поэтому автор отстаивает право каждого мыслящего человека любить Христа, устремлять к нему свои самые лучшие чаяния, руководствуясь при этом духовной свободой, терпимостью, вмещением нравственно-духовными качествами, имеющими надконфессиональную природу. При этом он неоднократно подчеркивает, что его цель состоит вовсе не в том, чтобы разрушить церковные или научные представления о Христе и христианстве, а в том, чтобы расширить знания о земной судьбе Иисуса Христа, глубже осмыслить истину, заключенную в его учении. И если выводы, к которым приходит Владимиров об исторических сроках евангельских событий, отличаются от общепринятых церковных подходов, то это еще не значит, что они каким-то образом могут поколебать нравственный смысл Евангелия, судьбоносный смысл явления Христа. Безусловно, Иисус родился в какое-то определенное время. Но величина Христа далеко выходит за рамки одного воплощения, и любые уточнения, любые отдельные подробности Его земной жизни могут показаться незаметнейшими, если соизмерить их с беспредельностью миров, одухотворяемых Христом Вечности.

Историки христианства отмечали, что глубокое исследование исторических корней религии нередко помогает лучше осознать ее содержательные основы. Исследование Владимирова – яркий тому

пример. Анализ сущности духовных исканий той эпохи позволяет глубже осознать пафос учения Иисуса Христа. Пытаясь понять *кто, почему и за что* распял Иисуса, автор показывает, с какими идеями и духовно-интеллектуальными тенденциями своего времени вел полемику Иисус Христос. Исследуя большой фактологический материал, автор книги делает вывод, что наиболее враждебным духу христианского откровения было учение, названное автором — *йахвизмом*, которое существовало вокруг иерусалимского Храма и которое в конечном итоге было воспринято фарисеями. Это учение отличал ярко выраженный культ собственной исключительности, особого избранничества, превосходства, высокомерия, нетерпимости, усугубленный фарисейским лицемерным религиозным поведением и установкой на внешнее и формальное начало в противовес внутреннему и содержательному. В свете этих исследований становится еще более понятным дух учения Христа, полный жизни, любви, абсолютной искренности и самопожертвования. Вообще к большим находкам авторской интуиции можно отнести анализ глубокой *природы иудаизма* и выделение в нем двух главных течений, условно называемых им — *йахвизмом* и *элохиизмом*, показ того, как победа первого течения ознаменовала омертвление духовных исканий, предопределила трагические события на Голгофе, последующие преследования раннего христианства.

Весьма интересным и требующим дальнейшего изучения представляется сделанное автором обоснование ессейских и пифагорейских корней учения Иисуса. В религиозноведческой литературе предположения о духовной связи, существовавшей между Иисусом и ессейской общиной, встречались и ранее, но они не были серьезно, научно аргументированы. Данная работа представляет собой прорыв в исследованиях, посвященных этому вопросу.

Разумеется, автор не ответил на все вопросы, встающие перед каждым, кто сегодня пытается разгадать тайну Христа и Евангелия, не осветил все затронутые темы с исчерпывающей ясностью, что в рамках одной книги было бы и невозможно. Вполне вероятно, что у кого-то после прочтения книги останется больше вопросов, чем ответов. Может быть, кому-то покажется, что автор слишком категоричен в своих выводах и не горит желанием согласовывать каждый свой шаг с господствующими ортодоксиями. Однако едва ли кто-то решится сказать, что эта книга не стимулирует мысль, не несет в себе заряд новой концентрированной информации, не побуждает к дальнейшим исследованиям и диалогам между религией, наукой и эзотерическими учениями. Важно осознать контекст, в котором будут происходить подобные встречи.

В условиях интеллектуально-духовного регресса, в который ввергается общество глобальными мировыми процессами, резко снижается тонус подлинной религиозной веры, растет отчуждение «человека толпы» — этого носителя массовой культуры — от высоких религиозных понятий и сакральных ценностей. Сам образ Христа таким «человеком толпы» все чаще воспринимается как далекий и непонятный символ абстрактной жизни, оторванный от намного более близкой научно-технической и торгово-посреднической «реальности». Думается, что в этой ситуации любая серьезная попытка нецерковных исследователей понять земную природу Христа, по-новому высветить его земной облик, сопоставить всё, что говорит Предание, с данными современной науки должна быть приветствована и поддержана, сколь бы новаторскими ни оказались её выводы.